

ВАЛЕНТИНА СКУИНЯ

О НЕКОТОРЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Для современного этапа НТР характерно возникновение новых подходов к изучению окружающего мира и новых наук, связанных с этими подходами. Использование таких наук и научных направлений, как кибернетика, системный анализ, математическое моделирование, способствует превращению науки в наиболее революционный элемент технико-экономического прогресса, в важнейшее средство социального управления¹.

В процессе все возрастающей роли науки огромное значение для научно-технического прогресса имеет высококачественная информационная служба, в которой ведущее место занимает научная литература. Правильному пониманию текста научной литературы, более быстрому обмену информацией способствует семантическая точность терминов.

Семантический аспект в терминологической теории играет весьма важную роль. Семантике термина большое место уделено уже при перечислении основных требований, предъявляемых к научному термину, а именно: 1) семантическая точность; 2) однозначность; 3) мономимичность², или однократность; 4) контекстнезависимость³.

Отклонение от этих, а также других требований, подчеркнутых в трудах основоположника советской терминологической школы Д. С. Лотте, и рассмотрение терминологических проблем с сугубо общелингвистических позиций без учета и понимания терминологической специфики (напр., акцентирование полисемии и неустойчивости значения термина и отрицание этим требования однозначности и независимости термина от контекста, неразличение специфики терминологических семантических процессов от семантических процессов, совершающихся в общели-

¹ Марусенко М. А. Системный подход к научно-технической терминологии.— НТИ, сер. 2, 1983, № 1, с. 1.

² Требование только одного наименования, одного термина для обозначения одного понятия в статье названо *монимичностью* (ср. с образованием *синонимичность*, а также ср.: *синонимия*—*монимия* — для обозначения соответствующих явлений).

³ Термин *контекстнезависимость* также создан автором статьи для более краткого наименования требования независимости термина от контекста, которое излагается в трудах Д. С. Лотте (см., напр.: Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии.— М., 1961, с. 73—75).

тературном языке, игнорирование отраслевых терминологических особенностей и общенаучных потребностей и т. д.)⁴, а также неразличение специфики научной и профессиональной терминологии приводит к ущербу в теоретических основах терминологии и в практической разработке терминосистем. Правильное решение современных семантических терминологических проблем находим в трудах В. П. Даниленко, которая, в частности, подчеркивает: «Реализация... семантических процессов (полисемии, омонимии, антонимии) в терминологии также определена положением термина в системе и связью его с означаемыми, поэтому проявление семантических качеств у терминов специфично по сравнению с общелитературными словами»⁵.

Для достижения семантической точности при создании нового термина необходимо полностью знать выражаемое в термине понятие и умело отобрать отражаемые в наименовании существенные⁶ признаки понятия. При уточнении значения существующего термина обычно необходимо вначале уточнить границы обозначенного понятия, выявить видовой термин, а также смежные родовые термины и сделать необходимые структурные и семантические изменения.

Требование однозначности в терминологии не должно быть понято формально. Согласно советской терминологической школе, основанной на исследованиях Д. С. Лотте и других советских терминоведов, в качестве существенного признака научного термина, а также требования к научному термину, рассматривается относительная однозначность термина, т. е. соотнесение языкового знака термина с одним понятием в рамках системы понятий данной отрасли и родственных (смежных) с ней отраслей знания⁷. Поэтому не может считаться многозначным термин, в функции которого выступает полисемантическое слово, различные значения которого используются в различных отраслях, напр.: *окно* — в функции строительного и болотоведческого термина, *вал* — в функции

⁴ См., напр.: Новичкова Л. М. К вопросу о многозначности научно-технических терминов (в рамках перевода с одного языка на другой). — В кн.: Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов». М., 1982, с. 93—94, где многозначность терминов названа стабильным и закономерным явлением, которое обусловлено внутренними законами развития языка; см. также описание некоторых семантических процессов в книге: Петров В. В. Семантика научных терминов. — Новосибирск, 1982.

⁵ Даниленко В. П. Русская терминология/Опыт лингвистического описания. — М., 1977, с. 53.

⁶ Как показывает практика, при создании громоздких многословных терминов-словосочетаний нередко забывается необходимость отбора для отражения в термине именно существенных признаков, хотя это в своих работах неоднократно подчеркивал Д. С. Лотте (см., напр.: Баржицкая О. В. О некоторых сложных вопросах стандартизации научно-технической терминологии. — В кн.: Научно-техническая терминология. М., 1983, вып. 5, с. 1—5).

⁷ Об этом см.: Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии, с. 75.

машиностроительного, сельскохозяйственного и гидрологического термина и т. п. На многозначность или семантическую неустойчивость в терминологии не указывают также термины, образованные способом изменения значения общелитературного слова или термина какой-либо другой отрасли, напр.: *усталость* (в технологии металлов), *память* (в вычислительной технике), *долговечность* (в технических отраслях), *козлы* — (в строительстве) и др. На конкретные факты функционирования, а не на природу специальных слов⁸ указывают встречающаяся на практике неупорядоченность некоторых терминов и наличие в реальном терминопотреблении отдельных многозначных терминов. Случаи многозначности терминов одной отрасли — не слишком распространенное явление, кроме того, многозначность по возможности устраняется при упорядочении отраслевой терминологии.

В различных отраслях, однако, приходится считаться с так наз. категориальной многозначностью⁹, в основе которой лежит разнокатегориальность соответствующих словообразований, что обусловлено общей системой конкретного языка, напр.: в русском языке *твердость* — свойство и величина, *давление* — процесс и величина, *намотка*, *кладка* — процесс и результат, *смазка* — процесс и вещество, *образование* — в прямом и возвратном значении (ср. значения глаголов *образовать* и *образоваться*), *выравниватель* — человек и устройство. Категориальная многозначность — не порок терминологии¹⁰, который во что бы то ни стало следовало бы устранить. Термины при этом не становятся непонятными. Границы определенного понятия этим не нарушаются: *твердость* — определенное свойство и соответствующая этому свойству величина, *выравниватель* — производитель (и человек, и устройство) определенного действия. Конкретное терминопотребление, конкретный контекст в сфере функционирования термина обычно достаточно наглядно раскрывает содержание термина. При этом контекст не делает значение термина зависимым явлением (не нарушает требования контекстнезависимости термина): он просто раскрывает, разъясняет значение, присущее термину в сфере фиксации.

Существует мнение, что многозначность особенно характерна для исконных слов языка, так как каждый естественный язык является полисемантической языковой структурой¹¹, а заимствования в заимствующем языке однозначны, носят якобы характер чистого символа, и поэтому в терминологии они имеют свои преимущества¹². Заимствованиям иногда отдается предпочтение даже при выборе отдельного видового термина,

⁸ Даниленко В. П. Русская терминология, с. 55.

⁹ Как работать над терминологией. Основы и методы.— М., 1968, с. 40.

¹⁰ Даниленко В. П. Русская терминология, с. 69.

¹¹ Дянков Б. О полисемантической структуре естественных языков.— Вопросы философии, 1973, № 7, с. 139.

¹² Интернациональные элементы в лексике и терминологии.— Харьков, 1980, с. 71.

напр.: в латышском языке заимствованы англицизмы *parkings* — для названия одного из видов автомобильных стоянок, *kruīzs* — для названия одного из видов путешествий на корабле, *bermudi* — для названия одного из видов модных брюк, *rums* — для названия одного из видов напитков, *rauts* — для названия одного из видов празднований, *šous* — для названия одного из видов представлений.

Но, с одной стороны, не все исконные слова в языках многозначны. В словарях латышского языка с одним значением даются, напр., латышские слова *ābele* «яблоня», *acenes* «очки», *alksnene* «горькушка», *apaiši* «недоуздок», *augājs* «растительность». В языке можно констатировать тематические группы слов, для которых независимо от их своеязычного или иноязычного происхождения характерна однозначность, напр.: названия видов спорта — *basketbols* «баскетбол», *volejbols* «волейбол», *dambrete* «шашки», *burāšana* «парусный спорт», *rokasbumba* «ручной мяч»; названия деревьев, цветов и других растений — *plūme* «слива», *acālija* «азалия», *balanda* «марь» и др.

С другой стороны, многие заимствования, имеющие в языке-оригинале более общее значение и являющиеся там нередко также полисемичными словами, в условиях современных обширных языковых контактов через некоторое время приобретают многозначность и в заимствующем языке. Напр., в русском языке англицизм *круиз* употребляется не только для обозначения путешествия на корабле, но и для названия авиапутешествия и даже — поездки по городу на конном экипаже. Военный термин *камуфляж* приобрел более общее значение маскировки вообще. Англицизмом *bermudi* в практике латышского языка обозначаются не только полудлинные женские брюки с отворотами, но также и длинные брюки определенного фасона, причем как с отворотами, так и без них. Не имеет значения одного определенного вида коротких брюк и англицизм *шорты*. В двух значениях в латышской научной терминологии закреплён англицизм *dizains*: 1) «художественное конструирование» и 2) «художественное проектирование»¹³.

Многозначность и неустойчивость семантики характерна и для многих интернациональных заимствований, построенных на греко-латинской основе. Со временем изменилось значение интернационализмов *концерт*, *конкурс*, *манифест*, *навигация*, *парад*, *тактика* и др. В различных значениях употребляются интернационализмы *арматура*, *культура*, *морфология*, *реакция* и др. В латышском языке для названия определенных промежутков времени использованы интернационализмы *epoha* (для названия длительного периода с особым значением в жизни человечества),

¹³ Любопытно, что в литовских терминологических исследованиях эквивалентом английского слова *designer* в русском языке дается русское слово *чертежник*, а в литовском — литовское *braižytojas* (см., напр.: Каулакене А. Ю. Кальки в современной литовской технической терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Вильнюс, 1983, с. 11).

etaps (в военной, спортивной терминологии, а также в более общем значении длительного промежутка времени), для названия одного из видов сообщений — *raports* (в военной и смежной с ней терминологии). А в последнее время, под влиянием значений соответствующих интернационализмов русского языка (*эпоха, этап, рапорт*), эти интернационализмы и в латышском языке приобретают более общие значения, тем самым в какой-то мере постепенно вытесняя из употребления латышские слова *laikmets, posms, ziņojums*.

Для интернационализмов, как и для других лексических единиц языка, характерна многозначность отдельных элементов. Так, с элементом *-itāte* в латышском языке обычно встречаются и вновь появляются интернационализмы с абстрактным значением: *stabilitāte, profesionalitāte, eksemplaritāte, situativitāte*. Но некоторые из таких интернационализмов имеют и конкретное значение: *autoritāte, antikvitāte, aktualitāte, novitāte*. (Подобный переход значения от абстрактного к конкретному наблюдается и у латышских образований с элементами *-ība, -ums*, напр.: *aplamība, darbība; darijums, plūksnojums* и у русских — с элементами *-ость, -ство*, напр.: *сладость — сладости; новшество*.)

Дополнительная синонимия, антонимия или омонимия иногда появляется при использовании классических интернациональных корневых элементов в национальном словообразовании, напр.: корень *ген-* использован в образованиях *индигенный* и *генуинный*, которые находим у литовских и эстонских языковедов с общим значением «своеязычный».

Из упомянутых фактов следует вывод, что преимущества заимствований в семантическом плане часто бывают весьма оспоримы и что нужно согласиться с высказываниями советских лингвистов, которые не рекомендуют загромождать язык иноязычными обозначениями, особенно если это заимствования из отдельных национальных языков. И не только потому, что они являются обозначениями иноземного происхождения, но и потому, что они вносят в заимствующий язык единицы своеобразной фонетической, морфологической, семантической структуры, требуя для себя особых законов правописания (иногда и произношения), структурно-семантического анализа и др.¹⁴, напр.: при заимствовании латышским языком англицизмов *lapings, listings, moldings, monitorings, parkings* и т. п. элемент *-ings* выделяется в качестве самостоятельного словообразовательного элемента и требует для себя места в общей словообразовательной системе языка. Однако этот элемент семантически дублирует латышский элемент *-šana* (который соответствует русскому *-ние*) и, следовательно, не обогащает язык, а наоборот, вносит в него лишнюю дублетность.

Отдельные заимствования научных терминов из других национальных языков могут нарушить существующую в данном языке терминосистему,

¹⁴ Сковорцов Л. И. Сокровищница языковой культуры (окончание). — Русская речь, 1976, № 4, с. 19.

поэтому заслуживает одобрения стремление специалистов при упорядочении отраслевой терминологии избегать распространенных в профессиональном употреблении немотивированных заимствований и заменять их успешными системными новообразованиями, напр.: в латышской научно-технической терминологии вместо германизма *šlifs* образован *pieslipnis*, вместо *šlihs — izskalas*, вместо *štoks — stumbenis*, вместо *kliptverks — paminkaltava*, в медицинской терминологии эквивалентом интернационализма *reflukss* признан *atvilnis*, эквивалентом англицизма *stress — spriedze*. Целому ряду интернационализмов латышские эквиваленты даны в экологической и гидробиологической терминологии, напр.: *fitofāgs — augēdājs*, *heliojobs — saulbēglis*, *helofits — purvaugs*, *hionofils — sniegmilis*. Латышские специалисты по электронике вместо несистемного англицизма *displejs*¹⁵ признали вполне правильным термин *ekrānpulsts*.

У каждого национального языка большие возможности дифференциации значений слов. Так, в латышском для этой цели служат и различные префиксы: *sagāde* «заготовка» — *apgāde* «снабжение», *pakars* «навеска» — *piekars* «подвеска», и суффиксы: *drošība* «безопасность» — *drošums* «надежность», *kraušana* «погрузка» — *krautnēšana* «штабелевание», и суффиксальное окончание: *ierakste* «запись (процесс)» — *ieraksts* «запись (результат)», и даже — чередование гласных и согласных в корне слова: *spraislis* «прямой пугель» — *sprieslis* «кривой пугель», *lietēšana* «дождевание (полив)» — *liedēšana* «дождевание (выпорожнение в виде дождя)». Дифференциация значений достигается и путем построения терминов — сложных слов и терминов-словосочетаний: *mežmeliorācija* «мелиорация лесов» — *meža meliorācija* «мелиорация леса», *darbavieta* «место работы» — *darba vieta* «рабочее место», *ūdenslīmenis* «уровень воды» — *ūdens līmenis* «зеркало воды».

Ценным терминофондом во многих языках являются различные интернациональные образования с определенным установившимся значением, напр.: образования с элементами *-ат*, *-ид*, *-ит* в химической терминологии (арсенат, нитрат, сульфат; арсенид, нитрид, сульфид; арсенил, нитрил, сульфит), названия минералов на *-ит* от основ местных названий (алтаит — найден на Алтае, беломорит — найден у Белого моря, кубанит — найден на Кубе) или фамилий выдающихся ученых (авиценнит, бирунит, багратионит, пржевальскит). С небольшими исключениями в определенных значениях употребляются интернационализмы на *-ада* (олимпиада, спартакиада, шубертиада), *-ация* (агитация, концент-

¹⁵ Англицизм *дисплей*, а также *компьютер*, *дизайн* и др. подвергались критике и в других языках; см., напр.: Скворцов Л. И. Сокровищница языковой культуры (окончание). — Русская речь, 1976, № 4, с. 19; Андреев Р. А. К вопросу о формировании терминологии вычислительной техники и информатики во французском языке. — В кн.: Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода зарубежной научно-технической литературы». М., 1978, с. 102.

рация), -изм (коммунизм, социализм), -ист (коммунист, русист), -итет (авторитет, паритет) и др. Строго дифференцируемо значение основ ферри- и ферро-, элид- и элимин- и др.

В отдельных языках используются и другие способы и элементы дифференциации значения образований с интернациональной основой. Так, в латышской художественной терминологии заимствованные постфиксальные элементы *-ants* и *-ieris* используются для дифференциации значения терминов *dublants* «артист-дублер для исполнения той же роли» и *dublieris* «артист-дублер, который говорит, действует вместо другого, напр., при дублировании фильмов, при исполнении опасных номеров и т. п.». Различные значения имеют дериваты *aktivēt — aktivizēt, gāzēt — gaziificēt, internacionāls — internacionālistisks, kompozīts — kompozicio-nāls, problēmisks — problemātisks, sistēmisks — sistemātisks*. и др. Аналогичные факты имеются и в других языках: ср. в русском языке *активировать — активизировать, газировать — газифицировать, интернациональный — интернационалистский, композитный — композиционный, проблемный — проблематический, системный — систематический*, в эстонском языке *konstruktiivne — konstruktsiooniline, loogiline — loogikiline, süsteemne — süstemaatiline*¹⁶.

В последнее время в практике терминопорядочения латышского языка при необходимости для дифференциации значения используется разграничение семантики допускаемых в научной терминологии синонимов, один из которых — своеязычный, а другой — иноязычный (интернациональный), напр.: *dzinējs* «двигатель» — *motors* «мотор», *atstarotājs* «отражатель» — *reflektors* «рефлектор».

В статье более подробно рассмотрены вопросы однозначности и многозначности своеязычных и иноязычных терминов и упомянуты некоторые возможности дифференциации значений отдельных словообразовательных групп на базе своеязычных и интернациональных образований. За пределами анализа оставлены семантические проблемы, связанные с требованиями мономимичности и контекстнезависимости и др.

В связи с возрастающей ролью интернациональной терминологии и появлением во многих национальных языках новообразований на базе интернациональных основ все более насущной становится необходимость задуматься над способами и методами согласования семантики и формы интернациональных образований, над путями упорядочения интернациональной терминологии в межъязыковом масштабе, чтобы устранить существующие на практике противоречия (ср.: *библиотека, картотека, фильмотека, фонотека, но — дискотека; багаж, километраж, литраж, таке-лаж, тоннаж, но — персонаж* и т. п.).

¹⁶ Кулль Р. Развитие эстонской терминологии на фоне индоевропейских языков. — В кн.: Контакты русского языка с языками народов Прибалтики. Рига, 1984, с. 123—137.

Каждый термин должен быть научно обоснован. При выборе оптимального научного термина не потеряли своей актуальности рассмотренные в трудах Д. С. Лотте требования, среди которых особое место занимает требование системности.

Ясность термина — гарантия ясности мысли и более высокого уровня культуры языка науки.